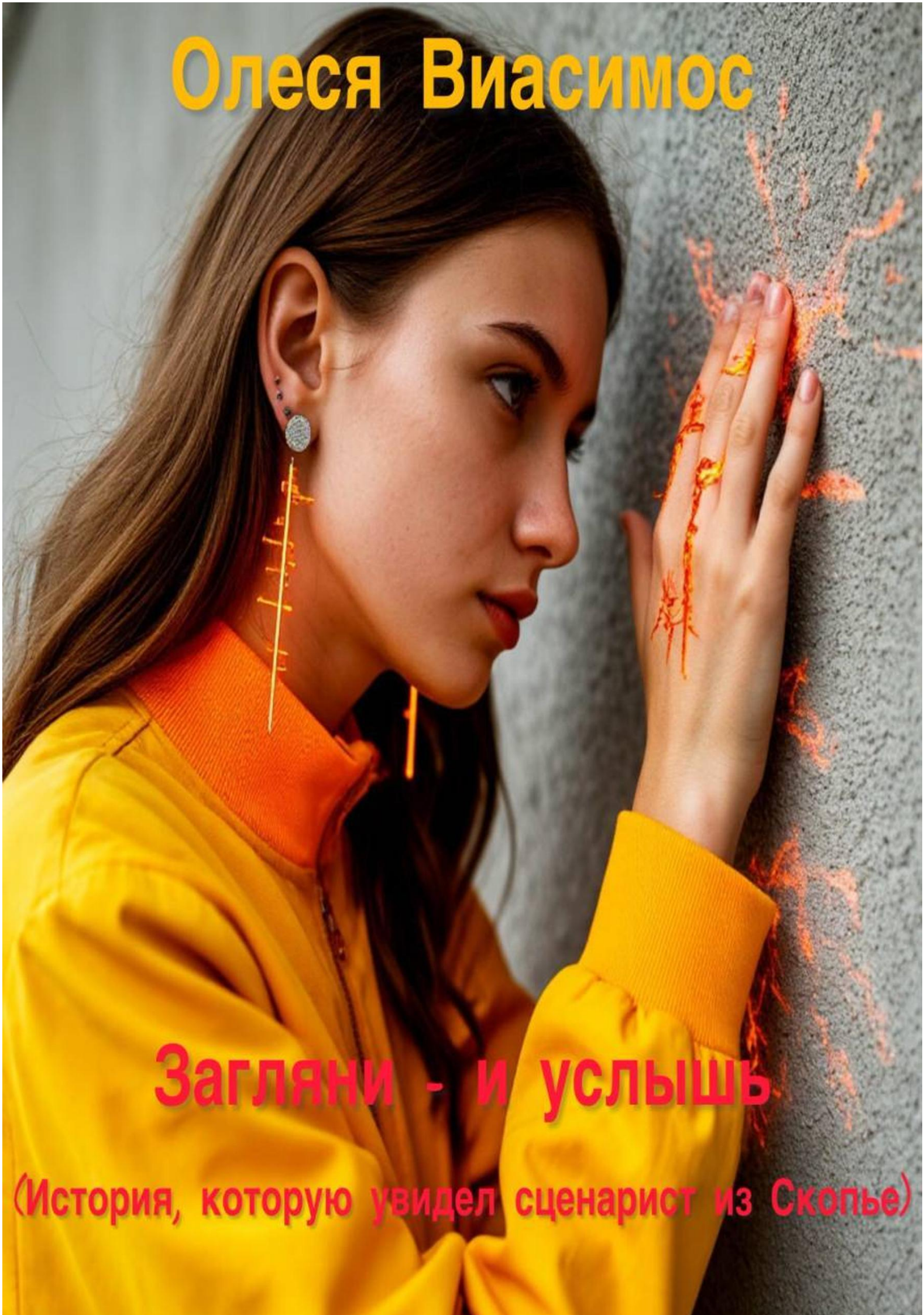

Олеся Виасимос
Загляни - и услышь
(История, которую увидел сценарист из Скопье)

Олеся Виасимос

Загляни — и услышь (История , которую увидел сценарист из Скопье)

«Автор»
2026

Виасимос О.

Загляни — и услышь (История , которую увидел сценарист из Скопье) / О. Виасимос — «Автор», 2026

Формат: киносценарий + личная переписка на полях.Что делать, если твой сон оказывается точнее приборов, а экспериментальный ИИ задаёт вопросы, от которых не спрятаться?Сценарист из Северной Македонии случайно находит в сети комментарий Таи о «телесной памяти» и превращает её историю в фильм — от метели под Муромом до катера в ледяном Баренцевом море. Но Тая не готова просто согласиться с чужим монтажом. Она спорит с ним, поправляет детали и впервые честно смотрит на себя со стороны — до тех пор, пока экран между ними не перестаёт быть нужным.

© Виасимос О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. DreamsWall — социальная сеть 5
СЦЕНАРИЙ 6
Конец ознакомительного фрагмента. 8

Олеся Виасимос
Загляни — и услышь (История , которую увидел сценарист из Скопье)

ПРОЛОГ. DreamsWall — социальная сеть

Всё началось даже не с работы и не с поездки. Всё началось с желания в рандомный момент оставить комментарий.

Я сидела на кухне и листала ленту. Попался пост какого-то психолога про сны — обычный набор общих слов про подсознание, тревогу и то, как мозг переваривает усталость. Внизу спорили. Кто-то доказывал, что сны — это просто случайный шум, что нам начинают сниться люди, только когда мы с ними встречаемся, никак не ранее.

Я обычно не пишу в общих чатах. Но в тот вечер... Я написала:

«Шум не оставляет телесной памяти. Если во сне ты кожей чувствуешь температуру, запах или прикосновение, а просыпаешься и тело всё ещё помнит это — это не усталость. Просто мы привыкли отбрасывать всё, что не укладывается в привычную схему».

Отправила и забыла.

Через два дня пришло личное сообщение. Без «здравствуйте, извините за беспокойство» и без пустых комплиментов.

Вук Јовановски: «Ты написала про телесную память во сне. Это из книги или с тобой было? Я сценарист из Скопье, ищу такие вещи. Не выдуманные».

Я открыла профиль. Тридцать один год, Северная Македония, пара коротких метров на европейских фестивалях, фотографии каменного моста через реку и старых зданий под балканским небом. Никакого глянца.

Сначала я не хотела отвечать. Мне показалось, что я и так слишком много открыла. Но он написал ещё раз: задал один короткий вопрос так точно, будто сам привык искать смысл там, где другие видят только сбой.

Мы начали списываться. Поздними вечерами, когда у меня за окном уже темнело, а у него в Скопье южное солнце уже давно спряталось за горами. Я отвечала сдержанно, он ловил интонацию и спрашивал о вещах, от которых нельзя было отмахнуться дежурной фразой.

Когда он сказал: «Расскажи мне эту историю целиком. Я соберу из неё сценарий», — я взяла паузу на три дня.

Я согласилась не ради кино. Просто в какой-то момент поняла: мне самой нужно посмотреть на свою жизнь со стороны. Как на сырые данные на экране — без моей собственной интерпретации. Понять, где я ошиблась в работе, почему не сложились отношения, которые тянулись слишком долго, и где заканчивается реальность и начинается то, что я сама себе придумала.

Я переслала Вуку выборки из своего дневника, описание графиков, что я строила, и голосовые. Я старалась не сбиваться с мыслей в них, но всё же постоянно проваливалась в паузы.

Через три недели он прислал готовый текст — девятнадцать сцен, выстроенных по жёстким законам кино. Я открыла файл, начала читать и поняла, что не могу просто поставить галочку «принято». Мне захотелось отвечать ему прямо на полях. Поправлять. Спорить. Вспоминать то, что не влезает в кадр.

Так у этого текста появилось два голоса: его — точный, собранный из южного воздуха и киношных пауз. И мой — настоящий.

СЦЕНАРИЙ

FADE IN:

INT. ЛАБОРАТОРИЯ / ЦЕХ — ДЕНЬ

Свет ровный, прохладно. Старый СВЧ-стенд, провода, осциллограф.

ТАЯ (28) в расстёгнутой короткой шубке держит бежевый бумажный стаканчик с чаем и греет пальцы. Она смотрит на зелёную линию осциллографа: линия идеально ровная, 3,5 ГГц — ни выбросов, ни шума.

Тая медленно переводит взгляд на стены и потолок. Тишина, слышен только гул стенда. Вдруг раздаётся лёгкий треск — помеха или показалось? Осциллограф не меняется.

Тая ставит стаканчик и открывает ноутбук с окном корпоративного ИИ.

ИИ (O.S.)

(одобрительно)

Все задачи выполнены. Отличная работа, Таисия. Рекомендуется отдых.

Тая смотрит на экран, выдерживает паузу и наклоняет голову набок. Резко захлопывает ноутбук.

INT. КОРИДОР — ДЕНЬ

Тая выходит в пустой коридор. Лампы на потолке отбрасывают на пол полукруглые тени, похожие на волны.

Она останавливается и проводит ладонью по стене, покрытой шершавой декоративной штукатуркой «шуба».

КРУПНО: её пальцы. Штукатурка царапает подушечки, оставляя на коже мелкие белые следы и микроцарапины. Тая идёт дальше по коридору, продолжая вести пальцами по стене.

ТАЯ (V.O.)

Я работаю с волнами шесть лет. Подаю сигнал. Ловлю отклик. Смотрю на линию. Ровная — значит, всё в порядке. Кривая — значит, ищу, где сломалось.

Пауза.

ТАЯ (V.O.)

Но волна не просто отражается. Она запоминает. Форму. Плотность. Границы. Всё, что встретила на пути. А мы отбрасываем это. Оставляем точку на экране.

Она убирает руку и смотрит на пальцы. Касается их большим пальцем другой руки — и резко одёргивает, будто обожглась.

ТАЯ (V.O.)

А если не отбрасывать? Если заставить волну чувствовать объём?

Она замечает, что одна царапина длиннее остальных — словно кто-то провёл ногтем изнутри стены. Тая не замечает этого. Или не хочет замечать.

FADE OUT.

ЗВУК (O.S.): резкий металлический удар, похожий на звон колокола.

ЧЁРНЫЙ ЭКРАН.

*** * ***

[Тая]: *Вук, в лаборатории не было этого киношного полумрака. Обычные дневные лампы, от которых к вечеру режет глаза. И пальцы я о штукатурку тёрла не из-за мистики — у нас в тот день просто промывали систему, я замёрзла. У меня руки часто ледяные.*

[Вук]: *Оставь мне этот свет, Тая. В кино без тени не видно объёма. Но про холод и ледяные руки я запомнил.*

*** * ***

INT. МАШИНА / ТРАССА — ВЕЧЕР

Метель. Машина еле движется сквозь белую стену снега. ЛЁНЯ (27) за рулём напряжённо вглядывается вперёд. Тая на пассажирском сиденье смотрит в боковое окно.

ЛЁНЯ

(не отрываясь от дороги)

До Москвы не доедем.

ТАЯ

Тогда до Владимира.

ЛЁНЯ

(выдыхает)

До Владимира — тоже вопрос.

За окном в сумерках тянется бесконечная пустая равнина. В свете фар появляется дорожный указатель: «МУРОМ 10». Тая переводит взгляд на Лёню. Пауза.

ТАЯ

Сворачивай.

Лёня сворачивает.

ЛЁНЯ

Слушай. Может, после презентации уедем куда-нибудь? На море. На неделю. Отключим всё. Просто будем.

Тая молчит и смотрит в окно.

ТАЯ

(после паузы)

Посмотрим.

ЛЁНЯ

«Посмотрим» — это «нет».

ТАЯ

Это «посмотрим».

Он не спорит и ведёт машину дальше.

INT. КАФЕ НА ЗАПРАВКЕ — ВЕЧЕР

За окнами темнеет, идёт снег. Внутри ярко, празднично и многолюдно, стеклянные двери постоянно ходят туда-сюда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.